

Валерий Бодылёв

Посвящения

Анна на юге

На улице Ахматовой
Ракушечник так желт,
Календула лохматая,
Петуний влажный шелк.

Штакетники линиялые
Да тесные дворы.
Но даже следа малого
От золотой поры,

Описанной Катаевым
В люстдорфском хуторке.
Рассеялась, растаяла,
Как пена на песке.

А было – степи южные,
Знакомые края –
Там, где акаций кружево,
Базаров толчя.

Но почему туманами
Бледнеют зеркала,
И кто за малой Анною
Стоит в шелках бела?

И дудочка бузинная
В ее руке легка.
Та женщина без имени,
Косящая слегда.

Вновь зеркало угрюмое
Становится светлей.
А на столе безумная
Бузинная свирель.

Романы Олеши

Юрий Карлович Олеша –
Тот, кто Ключиком был прозван,
Мог цветущей веткой вешней
Обозначить символ, образ.

В том романе, а вернее,
Растянувшейся новелле
Бродит некто Кавалеров
Весь в сомненьях и затеях.

Персонаж, а может, автор
Этой смуглой южной прозы –
Загорелых яблок бронза,
Неподвижный вязкий воздух
В световых дрожащих пятнах.

Он сюжет романа бросил,
Ввел побочных пару линий, –
Свод деяний беспричинных,
Брошенных на середине
В тень зловещей темной глоссы.

Фрумина в 30-40 гг.

Той художнице досталось.
Если в нескольких словах –
Свет и тьма перемешались,
И судьба ее писалась
На картонках впопыхах.

Время шло вразнос. Спешило,
Краски смазав на лету –
Так, что дни слегка дымились,
Их границы расходились,
Упираясь в темноту.

Век с тобой держался вровень,
Размыкая малый круг.
Этот мир неладно скроен,
Стянут ниткою суровой,
Вялый север, броский юг.

Так и шло одно к другому:
Кобальт неба, ночь сурьмы.
Но романа текст неполон,
В нем не зарекайся, помни
От войны да от сумы.

И война с бедой приходят
Без огласки, не таясь.
За тобою молча бродят,
Не спросив, в сюжеты входят
И сидят там развываясь.

А в саду урюк цветущий,
Рыжий в трещинах саман.
Резко свет полудня бьющий,
Отсвет дальнего несущий
В неоконченный роман.

Художник Межберг

Город семидесятых еще приземист, он вровень
С платанами улиц морских.
Еще везувийский камень неровный
Ладно прилажен на мостовых.

Еще дребезжат двойные трамваи,
Пробираясь на Хаджибей в тростниках.
В город еще приезжает Катаев,
Роется в старых черновиках.

Город замер, он как бы между,
В провале среди эпох.
По Молдаванке еще шатается Межберг,
Застигнув былые приметы врасплох.

Он увезет эти самые вещдоки
Как причастность к улицам и берегам,
Ветхим домам, искореженным водостокам,
Сюжетом связанный, как по рукам,

В котором с реальностью давнего снимка
Замер трамвай у театра вблизи.
А в углу недоказанной вроде уликой
Тень Межберга смутно скользит.

Франциск Ассизский

Б. Литваку

Тогда потянулись ленивцы – медведи,
Кочевники пастбищ – унылые волки,
К строениям рощиц – смиренным и бедным,
Но умершим, в прах перешедшим проселкам.

Они уходили от близких околиц,
Где окон вечерних краснели лоскутья.
В хлевах просыпались испуганно овцы,
И ветер топтался в сенях бесприютно.

Ведь волки узнали о братце Франциске,
Который им станет оплот и защита.
Недаром в округах далеких и близких
Известен Франциск как небесный целитель.

Земные создания: люди и звери –
Сестрицы и братцы, скорей, для Франциска
Почти отголосок эдемских мистерий,
Где небо спускалось над почвою низко.

И всем существам оставалось по жизни
Идти за полярной звездой без страха
К далекому дому Франциска в Ассизи –
Возвышенной тверди над вымыслом праха.

Но только никто их не встретил в Ассизи.
И дом его пуст, и не светит огнями.
Но пылью присыпан дорожную сизой
Висит над стеною распластанный ангел.

